THE SIXTH FLOOR

ВЫПУСК ПОСВЯЩЕН 9 МАЯ

Могила солдата

Война в моей семье

Шестое чувство

Могила солдата

Давно уже отгремели военные канонады, отсвистели вражеские пули, отлетали немецкие самолеты, наводившие ужас и страх на сотни ни в чем не повинных людей. В братских могилах мирно покоятся те, кто четыре долгих беспощадных года шли к заветной цели, шли дорогой крови и потерь.

Сегодня мы ничего не знаем о том, что значит жить в постоянном страхе, что значит бояться получить письмо, в котором будут «черные» вести. Мы, к счастью, не можем понять, что значит голод, неустроенность и смерть, в голове трудно представить, что такое плен и поминутное ожидание расстрела. Что мы сегодня можем противопоставить этим аргументам: наш страх быть лишенным интернета на неделю, почувствовать горечь от потери мобильного телефона в переполненном автобусе, неделю пролежать с температурой во время эпидемии гриппа – нет, все это не то.

Я никогда серьезно не задумывалась над важностью сакральной даты – 9 мая. Да, кто-то из родственников участвовал в войне, был даже представлен к награде, некоторые побывал в плену, кого-то как члена партизанского отряда убили на третьем году войны. Но это такая древность.

Но один день многое изменил в моем представлении о конвейере смерти. Жаль, что это случилось на пятнадцатом году жизни, но лучше поздно, чем никогда...

В деревне, где жили мои предки, есть кладбище, которое было образовано еще во время войны, но почему именно в это странное время, я никогда не могла получить вразумительный ответ. Вроде всем в военное время не до того, чтобы устраивать новое место захоронений. Но пришла минута, когда все ответы были расставлены на свои места.

Во время очередного приезда и похода на погост для возложения цветов в самый большой христианский праздник—Пасху— вместо того, чтобы мирно почтить память усопших, я отбилась от семьи и прошлась по этому, на удивление, светлому, просторному месту. Уже на ближайшем повороте мне бросилась в глаза огромная махина серого, полуржавого цвета. «Что это», - подумала я. И мое любопытство не заставило ждать. В ближайшую же минуту я пробираться сквозь густые заросли тростника и беспорядочно растущих веток. «Да, уж точно, не зарастет народная тропа», но любопытство было сильнее.

В ближайшее время я нашла себе кропотливое занятие: с огромным усилием, весьма увлеченно я пыталась вырвать поросшую кругом траву и прочитать хоть что-нибудь на неизвестном надгробии. За таким занятием я провела хороших минут десять, и, о чудо!!!! моему взору предстала скудная информация:

«Веко Петр Арсеньевич»,

но что больше врезалось в мой мозг – это дата рождения и дата смерти:

1921 – 1941

Рядом была покрытая мхом лавочка, на которую я присела, и тут-то мои мысли поплыли.

Мои одноклассницы встречаются с двадцатилетними юношами, которые полны планов, амбиций, идей, у которых еще вся жизнь впереди. А здесь...

Более чем скромный, серенький, полуразрушенный, поржавевший от дождей и снегов памятник, но с красной звездой на верхушке, словно звезда

на шапке красноармейца, идущего в последний бой. А где же цветы, ведь все вокруг утопает в ярких, манящих взгляд цветах; где заплаканные лица и тяжелые вздохи. СТОП! Какие заплаканные лица детей и жены, ведь ему было двадцать лет!!! Наверняка, и никого из родных уже не осталось, ведь им уже должно быть за сотню лет!!!

В таком состоянии я просидела бы еще дольше, если бы не голосовая сирена моей мамы, которая с ног сбилась, чтобы отыскать меня. Я приняла театральную позу и ни на полшага не сдвинулась с места, чтобы все видели: современное поколение, кроме полуживых эмоций в Контакте, может выражать вполне реальные человеческие чувства. И мой замысел имел эффект: мама была удивлена моему внезапному проявлению чувств к железному изваянию. Пока мы шли, я вспомнила город, весь разукрашенный яркими лентами, плакатами, цветами, разноцветными гирляндами, готовящемуся параду и грандиозному фейерверку. А как быть сотням тех, о ком никто не знает и никогда не узнает. Какой ужас... Возмущение боролось во мне, но на лице ни одного следа.

Не показав заинтересованности в происходящем, я пошла покорно за старшими и лишь дома, выловив бабушку одну за мытьем посуды, издалека начала «независимое расследование». Никак не выдав себя, постепенно я подкралась к интересующей меня теме. То, что я узнала, сразу все расставило на свои места. Оказалось, мой незнакомый знакомый был родом из Гомеля и в первые дни войны добровольцем ушел на фронт. Уходил он в качестве переводчика, потому что учился на факультете иностранных языков и собирался стать учителем немецкого языка. А, как известно, его знания во время войны были незаменимы. Попрощавшись с матерью и обещая вернуться, он сложил скромные пожитки и отправился в военкомат. Да и думал ли мальчишка, мальчик, муж про строгие костюмы, белоснежные рубашки, галстуки, лакированные туфли, в которых не стыдно идти на долгожданное свидание. Мысли были о враге, нарушившем мирную жизнь и захватившем васильковое небо в плен своими самолетами-истребителями.

Прощаться Петру было не с кем, кроме мамы. Она одна его растила почти с рождения: отец погиб от внезапной неизлечимой болезни, и все, что осталось несчастной женщине от горячо любимого мужа, только годовалый ребенок, альбом с фотографиями, записная книга и трепетные письма с холодного Севера, где он работал врачом на подводном корабле. Но разве эти вещи и воспоминания сравнятся с живым человечком, которому так нужна любовь и забота. Плакать было некогда: сын должен видеть всегда улыбающуюся, лучезарную, уверенную в завтрашнем дне мать. Школьные годы пролетели как один день. Вот уже сынок на своем первом и последнем большом торжестве, где он в первый раз с робким стеснением пригласил скромную отличницу Машу Половецкую на кружащий голову вальс. А вот уже и два курса в институте....

Но как легко разрушить жизнь, которая не знает черных цветов. Будет еще три письма и одна... похоронка. Это последняя ниточка, которая связывала с сыном.

В деревне, которую плотным кольцом окружили немцы, нужно было отправить двух разведчиков и одного переводчика, чтобы выяснить все обстоятельства и ближайшие пути для наступления и освобождения местных жителей, взятых в плен. Но... ночь, неловкие движения, шорох, лай немецких овчарок—и три человека под прицелами десятков автоматов.

Что пришлось испытать в ту ночь юным героям, одному Богу известно.

Но уже через пять дней бесконечных допросов, угроз, избиений, был нажат курок, и машина смерти поглотила жизни троих молодых людей. Тела до ночи лежали на холодной, мокрой от дождя земле. В тот день только природа вместо матерей могла оплакать своих сыновей бесконечным дождем и смыть с рук фашистов следы этого преступления. И лишь после захода солнца, с молчаливого согласия фашистов, окровавленные тела можно было придать земле. Но как хоронить, ведь до старого кладбища 4 километра, а лошадей во всей округе нигде не сыскать...

Простые сельские люди в знак благодарности исполнили то, что сделал бы любой христианин – перенесли мальчишеские тела на ближайшее светлое ржаное поле, где когда-то в мирное время колосилась рожь, тихо переговариваясь с ветром; где свободно парили птицы, отдаваясь свободе, где во время жатвы собирался народ, рассказывая веселые небылицы, заливаясь добрым звонким смехом. Именно с этих ребят было начато новое кладбище. Не все фамилии можно было написать, потому что документы были отобраны немцами, и лишь у одного солдата была вшита ладанка, по которой и установили все сведения о нем. Это и был мой главный герой. Скромная надпись на деревянной табличке— это все, что осталось после них. Одна на всех—ведь и цель у них была одна ...

Обо всем этом спустя время рассказала мать Петра, Анна Николаевна, которая почти тридцать лет приезжала на могилу к сыну, разговаривала с местными жителями, привозила гостинцы для сельской детворы и сувенирчики с лекарствами для людей старшего поколения в знак благодарности, что могилка сына всегда ухожена. Уже немолодая женщина всегда держалась как настоящая мать героя, пусть и юного.

В то время было сложно стать героем без подвига, и у каждого этот подвиг свой: кто-то выносил людей с поля сражения, кто-то разбивал вражеские танки и самолеты, кто-то просто ждал, свято веря в своего героя. «Жди, только очень жди...» И эта вера спасала тех, кому было так трудно выжить под колесами войны.

Прошло время, и эта могила опять опустела. Здесь больше не слышен тихий, задушевный разговор сына и матери, не чувствуется запах краски от свежевыкрашенной ограды, не появляются живые цветы и пряники – любимое лакомство солдата. Зато теперь можно надеяться, что в другом, воздушном, чистом, спокойном мире этим двум близким людям хорошо вместе.

Но прошел год, и все изменилось. Могила Петра Веко стала заметна издалека: на ярко выкрашенном постаменте гордо блестела звезда, она манила к себе, как долгожданный оазис в жаркой пустыне, да и сама могила была усыпана цветами, причем живыми. Но и это не главное: внизу памятника была приделана табличка, которая гласила о том, что памятник охраняется государством, значит, у него есть вечный страж, который позаботится о достойном существовании памятника.

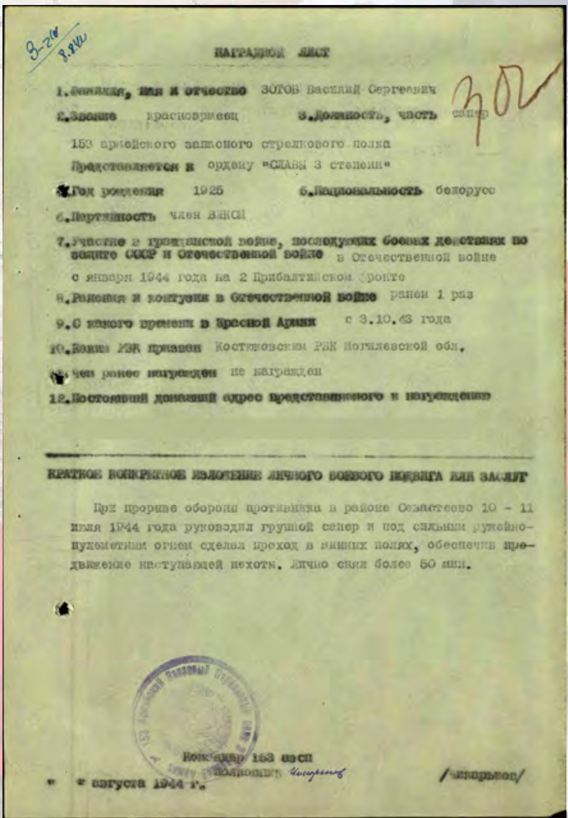
Да, война не закончена, пока не похоронен последний солдат, но на сегодняшний день становится ясно, что мало похоронить с почестями, нужно помнить и чтить достойно тех, кто приближал к нам победу.

Анастасия Силина

(из книги «Великая Отечественная: взгляд из 2019-го. Письмо прадеду», 2019)

Война в моей семье

Зотов Василий Сергеевич



НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ЗОТОВ Василий Сергеевич
2. Звание красноармеец 3. Должность, часть сапер 153 армейского запасного стрелкового полка

Представляется к ордену «СЛАВЫ 3 степени»

4. Год рождения 1925 5. Национальность белорус
6. Партийность член ВЛКСМ
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне в Отечественной войне с января 1944 года на 2 Прибалтийском фронте
8. Ранения и контузии в Отечественной войне ранен 1 раз
9. С какого времени в Красной Армии с 3.10.43 года
10. Каким РВК призван Костюковским РВК Могилевской обл.
11. Чем ранее награжден не награжден
12. Постоянный домашний адрес представленного к награждению

КРАТКОЕ КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГ

При прорыве обороны противника в районе Севастеево 10 – 11 июля 1944 года руководил группой сапер и под сильным ружейно-пулеметным огнем сделал проход в минных полях, обеспечив продвижение наступающей пехоты. Лично снял более 50 мин.

Командир 153 азсп
подполковник /Назарьев/

« » августа 1944 г.

В этом году отмечается 75-я годовщина Победы Советского народа над немецкими захватчиками. Эта победа была достигнута путем долгой и упорной борьбы. Люди защищали свой дом, свое отечество, зачастую ценой собственной жизни. Так случилось и с моим прадедом, которому так и не посчастливилось вернуться домой.

Зотов Василий Сергеевич (1925–1944) – уроженец деревни Самотеевичи Костюковичского района. В возрасте 18 лет вступил в ряды Красной Армии. Был назначен сапером 153-го армейского запасного стрелкового полка, в последующем направлен в 3-ю ударную армию 2-го Прибалтийского фронта. Имел дело с обезвреживанием боеприпасов и разминированием различных территорий. В ходе Режицко-Двинской операции совершил подвиг, за что был награжден Орденом Славы III степени.

Начало операции было запланировано на 12 июля 1944 года, однако впоследствии было принято решение начать наступление раньше установленного срока и не утром, как это было принято во время Великой Отечественной войны, а вечером 10 июля. Согласно выдержке из документа, Василий Зотов «при прорыве обороны противника в районе Севастеево в ночь с 10 на 11 июля 1944 года руководил группой саперов и под сильным ружейно-пулеметным огнем сделал проход в минных полях, тем самым обеспечив продвижение наступающей пехоты». Также упоминается и то, что он лично снял более 50-ти мин.

Получить серебряную медаль В. Зотов так и не смог: через пару месяцев, 16 сентября 1944 года, он был убит. Рижская операция, в ходе которой это случилось, стала для него последней.

Мы не знаем, сколько бы еще подвигов мог совершить этот отважный человек, но наверняка известно лишь одно: моя семья безмерно им гордится и будет хранить светлую память о Зотове Василии Сергеевиче до тех пор, пока это возможно. Память о молодом бойце, который отдал жизнь за своих людей, свою родину.

Кристина Лозовцева

Ильюшенко Иван Сидорович

Мой прадед родился 20 сентября 1925 года. Служил в Березинском РВК Могилевской области. Во время Великой Отечественной войны состоял в 418 строевом полку – стрелок с июля по август 1944.

К сожалению, сохранилось мало информации о его службе, много медалей было утеряно. После войны Иван работал в пожарной части. Из-за смерти отца ему пришлось содержать двух сестер Шуру и Анюту и брата Антона. Несмотря на тяжелую жизнь, он остался скромным, порядочным и честным человеком. В армии познакомился со своей будущей женой Кучеренко Анной Ивановной. Они прожили вместе 50 лет и воспитали трех прекрасных дочерей.

Я помню своего прадеда, но эти воспоминания слишком туманные, потому что я была маленькая. Подрастая, я узнавала все больше историй о его жизни. О прадедушке мне рассказывала моя бабушка Нина Ивановна. О своем отце она отзывается с особой любовью и гордостью. Из ее слов можно понять, что мой прадед был добрым, уважаемым человеком. Скромность являлась одним из его главных качеств. Он не любил говорить о своих военных подвигах. Иван Сидорович был тяжело ранен под Польшей и доставлен в госпиталь в июле 1944. Контузия, осколочные ранения позвоночника, простреленные на вылет ноги –далеко не весь список боевых ранений, который можно продолжать очень долго. За проявленную отвагу в этом бою Ильюшенко Иван Сидорович получил одну из самых почетных медалей «За отвагу». Также за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Отечества и исполнении воинского долга, был удостоен медали Георгия Жукова (1896-1996).

Нельзя описать словами, какую боль оставляет после себя война. Это касается не только смерти близких людей. Подумать только, что может чувствовать человек, переживший такое тяжелое время. Мой прадед постоянно повторял: «Не хочу, чтобы война повторилась, не хочу, чтобы это видели мои дети и внуки». Праздник Великой Победы он всегда встречал с улыбкой на лице, скрывая горькие слёзы памяти об ужасных событиях Великой Отечественной войны.

Наша семья помнит и гордится!

Юлия Князева

Моисеенко Софья Егоровна, Шевцов Егор Яковлевич, Шевцова Ульяна Яковлевна

75-летие Великой Победы — это событие, которое мы вспоминаем со слезами на глазах, ведь в годы войны горе постучалось в каждую семью.

Кровопролитие... Многочисленные людские потери... Разруха...

Каждый человек встал на защиту своей Родины. Кто-то ушёл на фронт, кто-то в партизанские отряды.

Нашу семью война также не обошла стороной.

В 1942 году мой прадедушка Моисеенко Александр Филиппович ушёл на фронт и воевал до Дня победы, закончив войну в Берлине. Был награждён медалями и орденами Великой Отечественной войны.

Моя прабабушка Моисеенко Софья Егоровна с момента начала войны находилась в оккупации. Ей было всего 11 лет. Она часто вспоминала те годы и со слезами на глазах рассказывала о зверстве фашистов, их нечеловечности.

Из её воспоминаний: «Помню, как фашисты средь бела дня на глазах у людей жестоко убили наших солдат, а самих сельчан гнали на расстрел. Нелюди... В Братской могиле нашей деревни тогда похоронили 200 человек».

Отец прабабушки Шевцов Егор Яковлевич ушёл на фронт, оставив свою супругу Шевцову Ульяну Яковлевну и четырех несовершеннолетних детей. Самому младшему не было и года.

Участвуя в сражениях на территории Беларуси, Егор Яковлевич погиб в бою за деревню Христополье. Похоронен в Братской могиле Болотнянского сельсовета.

Из воспоминаний Ульяны Яковлевны: «Во время оккупации из леса по ночам приходили партизаны. Комсомольцы для них собирали винтовки, а с наступлением ночи отдавали их «нашим». Даже Братские могилы выкапывали, чтобы найти оружие. Жители нашей деревни помогали партизанам всевозможными способами: кто едой, кто одеждой. Сложно было. Бывало, даже сами голодали, отдавая все партизанам. Потому что знали, что так нужно».

За время оккупации фашисты сожгли множество деревень, убили невероятное количество мирных жителей, оставив за собой только осиротевшие семьи и руины.

Трагедия не должна повториться. Люди должны сплотиться и не допустить ошибок прошлого.

Да, время быстротечно, но оно не властно над подвигом и героизмом нашего народа. Сколько бы лет ни прошло, война не уйдет из памяти. В сердцах следующих поколений будет вечно жить благодарность участникам войны – живым и мертвым – тем, кто спас мир от фашизма, отстоял право людей быть свободными и жить под мирным небом над головой.

Алина Моисеенко

Шпаков Адам Никитович и Воробьев Адам Самуилович

Моего прадедушку звали Шпаков Адам Никитович. Родился он в 1924 году и вырос в простой сельской семье в деревне Запрудье Могилевского района. За свои подвиги мой прадедушка был награжден Орденом Отечественной войны II степени. Место призыва – Могилевский РВК, Белорусская ССР, Могилевская обл., Могилевский р-н. Когда наступила Великая Отечественная война, ему было всего 16 лет, и поэтому для того, чтобы уйти воевать, ему пришлось приписать себе 2 года, сказав, что ему уже исполнилось 18.

Прадедушка особо не любил рассказывать о войне, известно только то, что служил он в минометных войсках. Единственная история, которую мы знаем о нем с тех времен, это о том, как ему удалось выжить. «Однажды командир отряда отправил меня передать послание командиру отделения. Мне удалось доставить все как положено, без каких-либо происшествий, но на обратном пути, когда я возвращался к своему отряду, у меня появилось плохое предчувствие и ощущение, что творится что-то неладное. Когда я добрался до отряда, то обнаружил одни трупы… Как выяснилось позже, пока я выполнял свое задание, взорвалась мина, ранее заложенная фашистами. Так я и оказался единственным выжившим…»

В войне принимал участие и второй мой прадедушка – Воробьев Адам Самуилович. О нем тоже известно немного. Родился он в 1913 году в Могилевском районе, в деревне Лыково. Во время войны мой прадед занимал довольно высокую должность. Он также был удостоен множества наград и орденов, но, к сожалению, мало что из этого сохранилось до наших дней. На службу Адам Самуилович был призван в Могилевском ОВК, Белорусской ССР, Могилевской обл. Прадедушка рассказывал, что в те времена немцы часто приходили в деревню для того, чтобы выяснить, кто является родственниками мужчин, ушедших на фронт. А у него в то время уже была жена и маленькая дочка. Когда немцы узнали об этом, всех родственников казнили, а жену моего прадедушки разорвали лошадьми заживо. Дочку же спрятали односельчане, и лишь благодаря этому она выжила.

Больше мы ничего не знаем об их военном прошлом. Это были ужасные времена, воспоминания о которых причиняли жгучую боль моим прадедушкам, поэтому они нам мало что рассказывали о военных временах.

Елизавета Воробьева

Шумская (Бецик) Татьяна Петровна

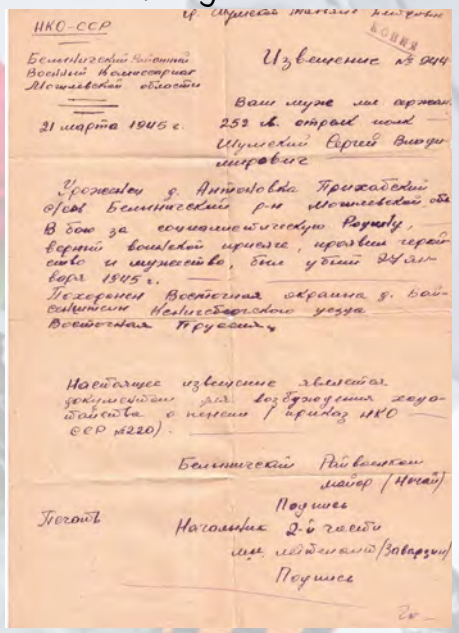
14 января 1914 г. (д. Полыковичи, Могилевский р-н) – 29 июня 1985г. (г. Могилев)

Окончила начальную 4-хлетнюю школу. Родители решили, что этого образования для девочки будет достаточно. Замуж выйдет, семьей, детьми займется – образование не пригодится.

Перед войной работала стрелочницей на железной дороге в Могилеве. Здесь встретила своего единственного и неповторимого, нашего прадедушку Шумского Сергея Владимировича. В 1935 году они поженились.

В 1939 г. родилась дочь Людмила, в 1941г. – Галина. В начале Великой Отечественной войны семья не успела эвакуироваться, точнее, поезд, в котором они ехали на восток СССР, немцы разбомбили еще на территории Беларуси. Вернулись в Могилев. Связались с подпольем на железной дороге. Татьяна стала связной между подпольщиками и партизанами в Белыничском районе. Ходила туда пешком вместе с маленькими дочерьми, завернув в мокрые пеленки младшей, Галины, донесения от подпольщиков.

Зимой 1943г. в партизанский отряд имени Османа Касаева ушли муж и брат. Она с девочками переселилась в деревню Полыковичи к родственникам, т.к. ожидала рождения ребенка. Вскоре родился долгожданный сын. Отец его так и не увидел. Передал только, чтобы назвала Александром, Александром Сергеевичем, как Пушкина. Через месяц родила жена брата Ивана. И умерла от воспаления легких. Бабушка взяла на воспитание племянника.



НКО-СССР

Извещение

Летом 1944 после освобождения Беларуси муж и брат вступили добровольцами в Красную Армию и ушли добивать фашистов в их логове. Погибли оба. Так она осталась после войны одна с четырьмя маленькими детьми на руках.

Вырастила их порядочными достойными людьми. Галине и Александру дала высшее педагогическое образование, Людмиле и Владимиру – среднее специальное.

И 40 лет ждала мужа!

Не поверила, когда пришла похоронка. Даже пенсию за него отказалась получать, отдала свекрови.

Не поверила, когда в 1975 г. через Красных следопытов нашли, где похоронен муж.

Не верила даже тогда, когда с 1976 года и до тех пор, пока могла ходить, ездила на его братскую могилу в Калининград.

И только 9 мая 1985 года, будучи совершенно больной (она потеряла зрение, перестали слушаться ноги, развился варикоз, выросла большая грыжа), она согласилась с тем, что муж не вернется. Если бы он был здоров, он вернулся бы сразу после войны, рассуждала она. Если не вернулся – был тяжело болен, может даже память потерял. В таком состоянии больше 40-ка лет он прожить не смог бы. Значит, его теперь нет в живых – решила она... И умерла через месяц...

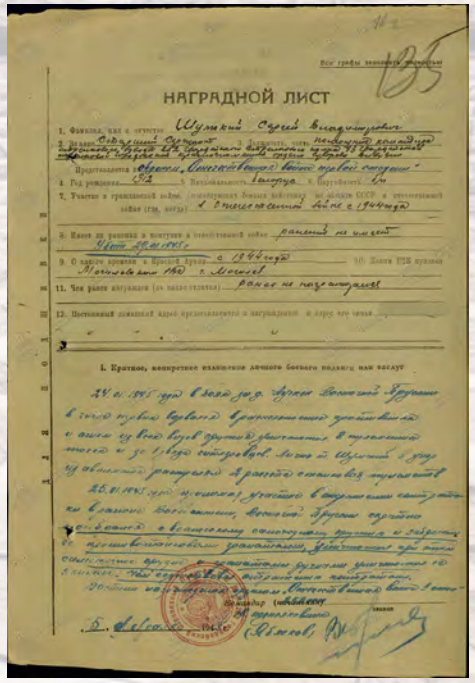
Именно она воспитала своих детей и внуков так, что прадедушка стал для них примером для подражания в жизни. Свое восхищение и преклонение перед подвигами Татьяны Петровны и Сергея Владимировича они передали нам, правнукам.

Шумский Сергей Владимирович

1912г., д. Антоновка Белыничского р-на Могилевской обл. – 27 января 1945 г. (д. Васенщтейн, Кенигсберг) пос. Чехово Калининградской обл.

Перед войной получил профессию машиниста, работал на железной дороге в Могилеве. В 1935 году женился на Бецик Татьяне Петровне.

Добровольцем на фронт прадедушку не взяли: машинисты нужны были в тылу. Но эвакуировать не успели. Пришлось оставаться в Могилеве. Участвовал в подпольной организации на железной дороге. О нем написано в книге «Герои подполья», вышедшей в Москве в 1966 году, рассказывающей о подпольщиках всего Советского Союза. (Автор статьи «В Могилеве на Днепре» Кузняев А.А. О подвигах подпольщика Шумского С.В. упоминается на страницах 140, 144)



НАГРАДНОЙ ЛИСТ

В 1943г. ушел в партизанский отряд имени Османа Касаева, действовавший на территории Белыничского района, с января 1944 считался призванным в ряды Красной Армии. В июле 1944г. добровольцем с Красной Армией ушел освобождать западную Беларусь, Восточную Пруссию. Был ранен. Погиб в боях за Кенигсберг (Калининград) 27 января 1945 года.

Место захоронения удалось восстановить только в 1975 году, когда в Москве в Министерстве Обороны встретились два письма: мы искали, где похоронен дедушка, Красные следопыты из пос. Чехово Калининградской обл. искали родственников воинов, захороненных в их поселке.

Шумской
Светлане Алексеевне
пер. 4 Мечникова,
д. 4 А, кв. 23,
г. Могилев,
Республика Беларусь,
212008

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Сообщаем, что старший сержант Шумский Сергей Владимирович, 1912 года рождения, место рождения не указано, призван Могилевским РВК, помощник командира стрелкового взвода 252 гвардейского стрелкового полка 83 гвардейской стрелковой дивизии, награжден:
-орденом Отечественной войны II степени приказом 8 гвардейского стрелкового корпуса № 019/н от 19.02.1945 года.
Отметки о вручении награды нет.
Домашний адрес на момент награждения: г. Могилев, ул. 2-я Пролетарская, д. 36.
Основание: ЦА МО РФ, картотека учета награжденных.
Удостоверения к государственным наградам СССР могут быть переданы только родителям, вдове, детям награжденного. Передача удостоверений о награждении другим родственникам погибших (умерших) награжденных нормативными правовыми актами Российской Федерации не предусматривается.
По вопросу о возможности получения наградных документов на невручennую награду, рекомендуем обратиться в военный комиссариат по месту жительства с документами, подтверждающими родство.

Начальник отдела хранения (архивного) М.Черигето

Исп. Т.И.Зеленская

И только летом 2016 на сайте «Память народа» мы нашли информацию о том, что Шумский Сергей Владимирович посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени.

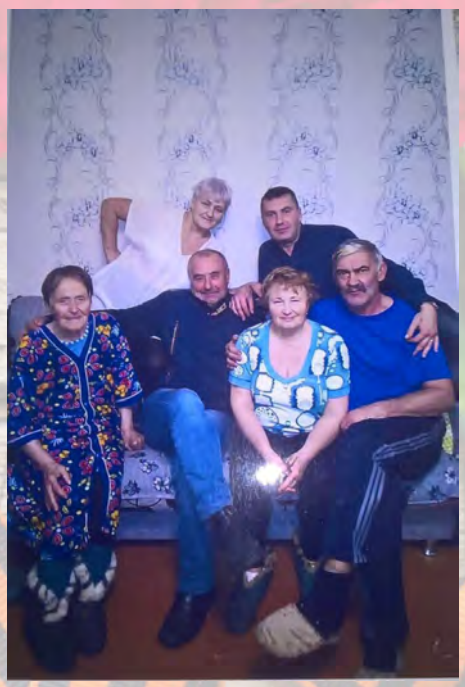
Юлия Киреенко

Смирнова Галина Васильевна

Моя прабабушка Смирнова Галина Васильевна рассказывала и рассказывает много историй о военном и послевоенном времени, о том, как она, пять ее сестер и два брата выживали и боролись в это ужасное время. Когда началась Великая Отечественная война, прабабушке было всего 9 лет. Георгий и Виктор (два старших брата) сразу отправились на фронт. Старшей сестре Марье было 17, она присматривала за сёстрами. Марью, Валентину (ей было 14), Клавдию и прабабушку (они были средними сёстрами) сразу отправили работать в колхоз. Они следили за животными, возили сено, молотили зерно, пахали землю и занимались тяжёлой для детей работой. Впервые мои прабабушка увидела немцев зимой 1942. Они пришли в деревню и начали забирать всю теплую одежду, зерно и скот. Начался голод, но прабабушка с Марьей всеми силами пытались добыть еду, чтобы помочь сёстрам, ведь в это время заболела Клавдия и младшая сестра Любовь. К счастью, спасти сестёр от голода им удалось, благодаря соседям и их собственной силе воли.

Летом 1943 Марья отправила сестёр в лес за ягодами, где их схватили немцы и начали допрашивать, где находятся партизаны, однако девочки не были пугливы и не рассказали о небольшой группе партизан, находящихся в лесу. Немцы повели их в деревню, пригрозив, что если они найдут партизан, то расстреляют всех. К счастью, все обошлось.

Осенью этого же года, Марья узнала о том, что в соседней деревне немцы забирают детей в Германию. Марья, Клавдия и прабабушка решили спасти этих детей. Они прошли 15 километров к железной дороге и увидели стоящий поезд. К счастью, один из вагонов был открыт и они начали помогать малышам спускаться. Вдруг поезд начал трогаться, прабабушка попыталась подбежать к следующему вагону, но упала и получила травму. Спасенных детей они повели в свою деревню.



Вскоре немцы снова пришли в деревню, начали забирать животных и зерно. Все, что унести не удалось, они начали поджигать. Моя прабабушка и ее сестра Клавдия очень любили животных, поэтому пытались их спасти. К сожалению, спасти всех не удалось, о чем они очень сожалели.

После войны Георгий и Виктор вернулись орденоносцами.

Спустя время сёстры разъехались кто куда. Прабабушка же осталась в деревне, проработала животноводом. У нее четверо детей, семь внуков и тринадцать правнуков.

Прабабушка так и живет в д. Устье, к ней часто приезжает ее сестра Клавдия. Они вспоминают о своем страхе во время военного времени, о смерти, о голоде, о радости Победы, со слезами на глазах...

Дарья Слепцова

Каширин Леонид Иванович

Родился в 1916 году в Воронежской области, в селе Борисовка, в семье купца I гильдии.

Место призыва – Каширский РВК, Московская обл., Каширский р-н. В армии отправили учиться на политрука в военное училище. Перед самой войной женился. Война застала Леонида Ивановича в звании младшего лейтенанта в городе Бресте. По счастливой случайности 22 июня 1941 года он находился на стрельбах в местечке Картуз Береза, что под Брестом (сейчас это городок Береза). Рассказывал, что Брест немцы обложили моментально, а у них ни оружия, ни бензина. Воевал Леонид Иванович в 65 гвардейском минометном полку. Ему часто предлагали пойти учиться дальше, но он всегда отмахивался: «Успею еще! Вот закончится война и выучусь!» Но этому не суждено было случиться. В 1945 году под Калининградом Каширин Леонид Иванович был ранен в ногу, полгода провел в госпитале, получил инвалидность II группы. Войну закончил в звании майора.

За свои подвиги Каширина Леонида Ивановича наградили 2 орденами Красной Звезды, 2 орденами Отечественной войны, медалями «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За освобождение Москвы», Георгия Жукова и юбилейными медалями.

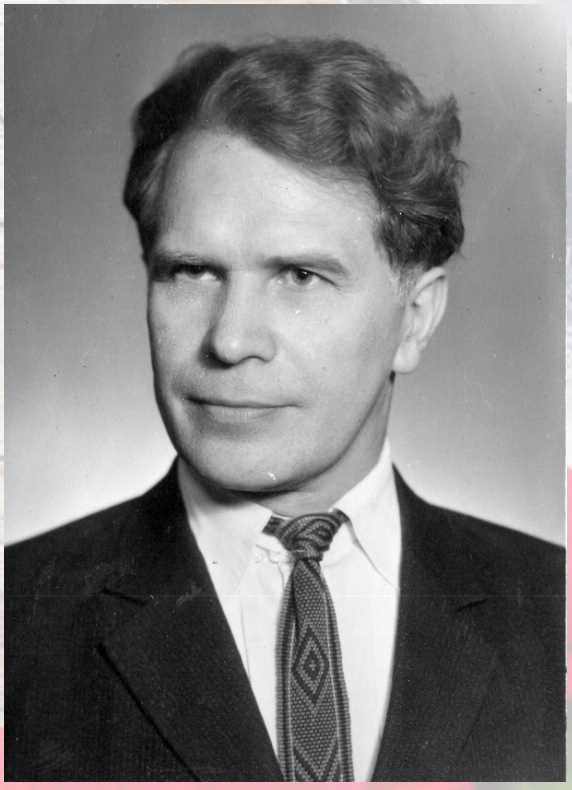
После войны работал в горисполкоме, потом начальником отдела кадров на мелькомбинате.

После смерти Сталина, несмотря на то что очень хромал, со своей женой уехал осваивать целину. Работал заместителем директора института Казгипроводхоз. В 1976 году вернулся с семьей в город Могилёв. Здесь работал завхозом в Могилевском технологическом институте.

Про него девушки говорили, что очень красивый, ещё бы роста... А Леонид Иванович всегда отвечал: «Я от того ростом мал, что много в жизни повидал».

Всегда смелый, храбрый и бесстрашный, он не мог устоять перед своей женой. «Моя Шурочка», – говорил он. Трудоголик, всегда много работал, чтобы она не знала ни в чём отказа. Когда она умерла от рака, не прошло и года (1995 год), как не стало и Леонида Ивановича. В семье говорят, что он угас в тоске по ней, оставаясь ей преданным до последней минуты.

Усиков Якуб Кириллович



Родился 20 сентября 1919 года в деревне Кадино Могилевского района в сельской семье.

После окончания Минского пединститута Усиков Якуб Кириллович поступил в аспирантуру при Академии наук БССР. Закончить ее помешала война. В 1942 году он стал партизаном отряда Гришина. В июне 1944 года был мобилизован на фронт. Воевал в составе войск 2-го Белорусского фронта. Был ранен.

Нашей семье, как никому, повезло: прадед оставил рукописи, из которых мы узнали о его жизни, мыслях, чувствах...

«Думка напісаць успаміны ўзнікла гадоў дзесяць таму назад, але ўсё адкладваў па розных прычынах. Ды вось наступіў момант, калі адкладваць ужо няма куды (узрост – 74, хваробы, адчуванне непазбежнасці блізкага канца). Сёння, 5 лютага 1994 года, нарэшце, набраўся рашучасці пачаць падарожжа ў мінулае...», – так начинаются воспоминания моего прадеда «Сцежкамі мінулых гадоў». И, конечно, есть страницы, посвященные Великой Отечественной войне...

«... Набліжаўся канец навучальнага года. Я паспяхова здаў кандыдацкія экзамены за першы курс аспірантуры. Вось-вось і наступяць летнія канікулы. І раптам ... вайна! 22 чэрвеня 1941 года у Акадэміі навук планаваліся вайсковыя вучэнні супрацоўнікаў і аспірантаў. Раніцай, яшчэ нічога не ведаючы, накіроўваюся з Падлеснага завулка, дзе жыў на прыватнай кватэры, у Акадэмію (гэта зусім блізка, не болей кіламетра, каб прыняць удзел у вайсковых вучэннях. Але тут было ўжо не да вучэнняў. Гітлераўская Германія вераломна, як тады гаварылася, напала на Савецкі Саюз».

Коллективно слушали правительственное обращение Молотова к народу. Расстроенный, ошеломленный страшной вестью, прадедушка думал: «Что же будет?» И приходил к убеждению, что скоро враг будет разбит, верил в нашу несомненную победу. В первый же день войны немецкие самолеты начали бомбить Минск. На второй и третий день бомбежка усилилась, стала непрерывной, столица республики захлебывалась в огне, дыму, пожарищах. Хозяева деревянного дома, в котором прадед с Игнатом Горецким снимали комнату, бежали в деревню Слобода, где жили родственники. Все надеялись на прекращение бомбежки, прячась в подвале дома. И вот врывается в дом девушка-квартирантка и, увидев их, тревожным голосом кричит: «Доколе вы будете сидеть здесь? Немцы бомбят последнюю часть города. Убегайте!» И сама исчезает. Только под вечер третьего дня войны они с другом оставляют Минск. Убегают в направлении парка Челюскинцев, чтобы выйти на Московское шоссе. Склоняясь к закату, все еще ярко светит летнее солнце. Душно. Льется пот. Бесконечным потоком люди бегут из города. А вверху, на небольшой высоте, их сопровождает самолет со знаком свастики, строчит из пулемета, наводя страх, панику.

«Начавалі ў хмызняку, на абочыне маскоўскай шашы. А назаўтра з раніцы працягвалі шлях зноў – такі па абочынах шашы, магістраль абстрэльвалася самалётамі. Дайшлі да Слабады (яна размешчана кіламетрах у дваццаці ад Мінска). Тут мы развіталіся з Ігнатам: ён пайшоў далей на ўсход па шашы, кіруючыся на Барысаў, а я застаўся ў Слабадзе, спадзяючыся вярнуцца ў Мінск, у ваенкамат для

адпраўкі на фронт: я не дапускаў і думкі, што гітлераўскія наземныя войскі могуць заняць Мінск. Аднак здарылася нечаканае: недзе на пяты дзень вайны нямецкія танкі з'явіліся ў Слабадзе. Цяпер ужо было не да Мінска.»

Прадед вспоминал, что жители деревни не скрывали радости, когда по улице проходила колонна немецких танков, некоторые даже встречали их. Тем, кто не выходил из дома, где на полу сидел и Якуб Кириллович, – одна женщина возбуждённая, с оттенком восхищения рассказывала, что на первом танке в открытом люке находился немецкий офицер, как обратился к крестьянам по-русски: «Здравствуйте, батраки!» «И правда, – возмущалась женщина, – мы, колхозники, – самые взаправдашние батраки!» Дальше она уже обосновывала эту мысль: людей лишили собственности, отхватили землю, забрали лошадь, заставили работать за «палочку», за пустой трудодень. «Да мы же хуже батраков, – добавила женщина. – Батрак мог что-то заработать, а мы – фигу».

«Мне, выхаванцу савецкай школы, не падабаліся такія разважанні, хоць яны і адпавядалі рэальным фактам. Вось чаму жанчына, якая пра ўсё гэта гаварыла, не выклікала абурэння ў маёй душы. «Ну і брыдота!» – на нейкі міг падумаў я. Але тут жа мною авалодалі зусім іншыя, куды больш важныя думкі. Што мне цяпер рабіць? Нямецкія танкі ўжо зніклі недзе за вёскай. Ці не адрэзаны шлях на ўсход? Прымаю рашэнне – прабівацца на Магілёў.» Так началось его мучительное путешествие по проселочным дорогам с целью выйти на землю, свободную от фашистов, присоединиться к воинам – защитникам Родины. Ночевал под открытым небом, иногда – в бане, питался как нищий, за счет милостыни, попрошайничества. Кто картофелину какую даст, кто нальет молока стакан, хлеба же и в глаза не видел. И он был такой не один. Шли многие. И все – на восток. Люди разных возрастов, полов, национальностей. Была даже одна молодая татарка, которая направлялась в свою Татарию. Шли по одному, шли небольшими группами по два – три человека. Где-то в середине пути, в одной из деревень его узнал один молодой человек, одетый в рубище. Это был односельчанин, друг детства Лазарь Денисенко. Лейтенант по воинскому званию, он работал в райвоенкомате на Брестчине и попал под яростную бомбардировку немецких самолетов утром первого дня войны. Спасшись от смерти, Лазарь стремился присоединиться к хоть какой воинской части, но везде царили паника, разброд, анархия; все бежали, бежали, каждый спасался как мог. Таким был и Лазарь.

«Цяпер ужо мы з ім разам, не разлучаючыся, адольвалі выпрабаванні лёсу. Не аднойчы мы набліжаліся да франтавой лініі, але немцы нас адганялі «цурук», назад, сцвярджаючы, што Магілёў яшчэ абараняецца савецкімі вайскамі. Калі мы знянацку натыкаліся на немцаў, яны прыдзірліва ўсклікалі: «Золадат?», «Дакумэнт!» і, пераканаўшыся, што мы цывільныя, адпускалі «цурук». У нас былі пашпарты, пасведчанні асобы з фотаздымкам і нястрыжаныя галовы. Каля месяца дабіраліся да свайго Кадзіна не з Магілёўскага, са Шклоўскага боку, праз вёскі Качурына, Зылі, Брылі. Хату і хлеў маіх бацькоў немцы спалілі. Прывязанай да дрэўца стаяла карова. Прытулкам служыў акопчык. Лазарава ж хата захавалася. У яго я і пасяліўся.» Немецкие власти заводили в деревне свои порядки. Был избран староста, два полицая. Старостой стал сосед Громыко. Он благосклонно

относился ко Якубу Кирилловичу и его братьям Фёдору и Петру. Не раз спасал от отправки в Германию. Позже с ним установили связь партизаны. Лазарь Денисенко организовал небольшую подпольную партизанскую группу, куда входил и прадед вместе со своими братьями. Занимались преимущественно сбором оружия. Вскоре эта группа влилась в партизанский отряд (15-й полк) Демидова.

«Пра партызанства не хочацца ўспамінаць: вельмі ж многа выпрабаванняў давялося пазнаць у тыя дні, асабліва пад час блакад, акруженняў, начных пераходаў з аднаго месца на другое, праз балота, рэчкі, нярэдка па шыю ў ледзяной вадзе, суткамі не еўшы, у дрэнным абутку, а то і без яго. Бывала нярэдка, калі вёўся мінамётна-кулямётны абстрэл пры спробах прарвацца да сваіх рэгулярных войск (партызаны неслі пры гэтым вялікія страты), думалася, каб хутчэй загінуць ад варожай кулі, чым так жыць. Вось чаму шчасцем для мяне з'явілася ўступленне ў шэрагі дзеючай Чырвонай Арміі, удзел у вайне з нямецка-фашысцкімі захопнікамі на Другім Беларускім фронце». На фронте прадеду везло. Так, при попытках форсировать болотную речку на территории Польши осколок вражеской мины попал ему в рукав шинели, вовсе не зацепив руку; горячий осколок он быстренько достал из рукава и выбросил в болото. В то же время рядом с ним ранило командира отделения и Якубу Кирилловичу приказали сопровождать его в медсанбат. А однажды, когда находился в составе пушечной батареи, ему поручили отнести термос с горячим супом на НП (наблюдательный пункт), который был расположен на передней линии. Открытое поле, по которому пришлось идти километра три, достаточно интенсивно простреливалось минометным огнем.

«І вось ідучы, я раптам адчуў на маёй спіне цяплынь, зняў тэрмас, які трымаўся на плячах з дапамогай шлеек, глянуў аж з яго ў дзірку, прабітую ў бакавой частцы, выцякала цёплая вадкасць. Аказваецца, у тэрмас трапіў асколак міны і асеў там, унутры. Недзе каля паловы тэрмаса. Я усе ж данёс яе да НП, і, наліўшы ў кацялкі суп, воіны выявілі невялікі асколак міны. Выходзіць, тэрмас адыграў выратавальную ролю».

Наконец, весной 1945 года, за недели три-четыре до Победы, на опушке леса (на немецкой территории) группка солдат и офицеров развела костер, чтобы погреться (утро было прохладным). Вдруг – взрыв. Костер разнесло в стороны. Якубу Кирилловичу, еще одному солдату и старшему лейтенанту обожгло лицо. Больше всего досталось на долю прадеда. Страшно горели щёки. В медсанчасти ему бесконечно меняли марлевые салфетки, смоченные раствором марганцовки. На момент полегчает, а потом снова и снова нестерпимая боль. Вместе с лейтенантом их направили в армейский госпиталь.

«На верхняй частцы ілба, справа, пад самымі валасамі, захаваўся бугарок з гарошыну: там, мусіць, сядзіць нявялічкі асколачак. Паколькі ён мне не перашкаджаў, я палічыў непатрэбным яго аперыраваць.»

Демобилизован в декабре 1945 года. Награжден орденом Великой Отечественной войны 2-ой степени, орденом Красной Звезды, медалями.

После демобилизации Якуб Кириллович продолжал учебу в аспирантуре (закончил в 1947 году). Одновременно работал в газете "Чырвоная змена".

В 1948-1949 учебном году Министерство просвещения назначило на должность заведующего кафедрой белорусской литературы Могилевского пединститута (МГУ имени А.А. Кулешова) выпускника аспирантуры при Институте языка, литературы и искусства АН БССР Якуба Кирилловича Усикова. Он около 20 лет возглавлял данную кафедру, по существу, сформировав ее и став ее душой. Якуб Кириллович работал в институте с 1948 по 1995 год, до последнего дня своей жизни.

Именем моего прадеда названа пионерская дружина моей школы и одна из улиц города Могилева.

Александра Леонидовна Каширина

Филиппов Ефим Артемович и Филиппов Пантелей Артемович

День Победы 9 мая для нашей семьи не только самый значимый государственный праздник, но и семейный. Праздник радости со слезами на глазах. Как и у многих белорусов, трагические события тех лет оставили у нас незаживающие раны в сердцах. Можно сказать, что нашей семье еще повезло, так как наш дедушка Филиппов Пантелей Артёмович и его старший брат Филиппов Ефим Артёмович вернулись домой с победой. Они оба воевали в польской и финской кампании. Затем в 1944 году, вместе с наступающей советской армией, продолжили свой боевой путь. Судьба разбросала их по разным фронтам.

Пантелей Артемович оказался в составе Третьего Белорусского фронта. В наступательной операции при освобождении города Вильнюса, он был ранен в ногу. Затем он провел два мучительных года в госпиталях страны. Из Вильнюса госпиталь эвакуировали в Казань. Ногу, к несчастью, врачам спасти не удалось. Тяжелая гангрена и полная ампутация. Домой дедушка вернулся только в августе 1946 года.

О Ефиме Артемовиче его командиры говорили, что он родился в рубашке. В составе частей Первого Белорусского фронта он дошел до Берлина, был контужен, награжден двумя орденами Славы, орденом Красного знамени и медалями. Он рассказывал о самом драматичном эпизоде своей военной судьбы. На территории Польши немцы оказывали ожесточенное сопротивление наступающей советской армии. В одной из контратак был окружен и погиб весь полк, в котором служил наш дедушка. Он очнулся, заваленный трупами своих боевых товарищей. Невдалеке он заметил погибшего командира полка, из-под кителя которого виднелось знамя. Ефим Артемович взял его, спрятал у себя на теле и несколько дней, через болота пробирался к своим. Его нашли истощенным, без сознания, со знаменем полка на груди. Очнувшись в госпитале, он узнал, что представлен к государственной награде. Ефим Артемович прожил долгую жизнь, он скончался в 98 лет. Мы гордимся нашими родными и помним их ратный подвиг.

Светлана Эдуардовна Богданович

Николай Иванович Сахаров

Герой моего рассказа – основоположник шахматной библиографии СССР, автор учебников и статей по библиографии общественно-политической литературы, публикаций в ЭС «Шахматы», в журналах «Шахматы в СССР», «Шахматы» (Рига), и пр. Этот энергичный человек, чьи труды переведены на латышский, грузинский, узбекский, чешский и другие языки, являлся членом редколлегии журнала «64 – Шахматное обозрение», работал в составе Комиссии по печати и пропаганде Шахматной федерации СССР. В библиотечном фонде нашего университета хранятся книги под его авторством. Почетный гражданин г. Химки, он закончил с перерывом на войну Московский государственный библиотечный институт (ныне – Московский государственный институт культуры), в котором преподавал с 1947 г. по 1991 г. Сказанное выше – лишь часть заслуг, послуживших основанием для создания статьи о нем в Википедии.

В канун Великой Победы я хочу поведать о своем двоюродном деде Николае Ивановиче Сахарове (в годы войны – просто Николай), студенте-добровольце, ушедшем вместе со своими однокурсниками из аудиторий на передовую и награжденном за смелость и отвагу Орденом Отечественной войны I степени, Знаком Почета, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Москвы» и др.

Впрочем, лучше самого участника событий об этом никто не расскажет. Обратимся к сборнику статей и материалов, изданному в Москве при поддержке Министерства культуры Российской Федерации к 50-й годовщине Победы.

«Занимались серьезно. Тем более, что в октябре 1940 г. Совнаркомом было принято постановление о введении платности обучения в вузах и новом порядке назначения стипендий. Их отныне могли получать только те учащиеся, кто по итогам сессии имел 2/3 отличных и 1/3 хороших оценок. Поэтому читальный зал был почти всегда полон, на сессиях места в нем занимались с самого утра. Преподаватели спрашивали на экзаменах строго, оценки ставили без поблажек. Несмотря на введенное свободное посещение лекций, аудитории были обычно полны».

«Мы хорошо знали свою задачу: любой ценой задержать наступающего врага, не дать немецким фашистам ступить на лед замерзшей Москвы-реки за нашей спиной.

Стояла зима. 12-го декабря мои товарищи по пулеметному расчету, сдвинув кружки, поздравляли меня с днем рождения: мне исполнилось двадцать лет».

«Я с удовольствием ходил в разведку. Товарищи доверяли мне обычно идти первому. Если мы шли в Торопино, куда была проложена телефонная линия, я по образовавшейся уже у меня привычке держал провод в руке. Случалось, что это позволяло обнаружить подключение немцев к нашей «нитке».

«Скажу откровенно, в свою смерть на фронте я не верил (даже «смертельный медальон» использовал лишь для хранения иголок и ниток)».

Начался артобстрел позиций около КП нашего батальона, где мы находились. Осколок последнего из выпущенных снарядов попал мне в стопу ноги, я упал. Через некоторое время меня увидели товарищи, уложили на плащ-палатку и понесли

обратно, к командному пункту. Комиссар батальона старший политрук Гришаев вернул комсомольский билет (идя в разведку, документы мы оставляли ему). А тем временем командир хозвзвода Грибов хлопотал о подводе, на которой меня повезут в медсанбат».

«Оперировали меня в полевом госпитале дважды, перед второй операцией я чуть не умер от потери крови. А потом повезли дальше, в тыл. Под Калининым наш поезд бомбили, но все обошлось благополучно. От Москвы [поезд] повернул на Ярославль, и мне, можно сказать, повезло – поезд постоял некоторое время в моем родном Данилове, где жили мои родители и где я учился в школе. А затем двинулся на восток, по тем временам – в глубокий тыл.

Так я попал в город Киров и был помещен в эвакогоспиталь № 3444. В нем лежали, в основном, раненые с ампутированными ногами. Большинство – ребята, но были среди нас и девушки. Помню удивительной красоты девятнадцатилетнюю Катю Кукушкину из Калинина – ей бы, по нынешним меркам, в конкурсах красавиц побеждать, а она лежала с нами, мужчинами. Нам-то сам Бог велел воевать и терпеть, а ей за что такое несчастье? В отдельной небольшой палате, где лежала Катя, постоянно находились гости. Мне запомнилось, как она рассказывала о своих впечатлениях после прочтения «Войны и мира» Толстого.

Поначалу я считался «тяжелым», но потом, окрепнув, стал читать книги. С большими бельевыми корзинами книг в палаты приходили библиотекари Кировской областной библиотеки им. Герцена В.А. Воронец и Н.М. Пантелеева. [...] . Не знал я тогда, что пройдет несколько лет – и В.А. Воронец станет аспиранткой, а затем преподавателем нашего МГБИ, а вместе с Н.М. Пантелеевой мне придется в 1955 г. руководить работой студентов-практикантов института в Краснодарской краевой библиотеке им. Пушкина, где она заведовала отделом!

В госпитале я получил возможность заняться не только чтением, но и шахматами. На фронте я запрещал себе даже думать о шахматах, хотя с завистью видел, проходя мимо палаток артиллеристов, как они играют. Но теперь, поскольку сильных шахматистов в палатах не оказалось, я стал показывать свое умение играть без доски, что особенно нравилось болельщикам. Нередко одну партию я играл, сидя за доской, а другую – «вслепую», повернувшись к противнику спиной».

«Накануне первомайских праздников 1943 г., после успешно проведенной последней операции, меня выписали из госпиталя. Я получил справку, что являюсь инвалидом войны, и новенький, слегка поскрипывающий протез. Мое пребывание в армии и непосредственное участие в войне закончилось».

Удивительное самообладание для молодого парня, который до ранения был бойцом лыжной роты, связистом, батальонным разведчиком. Удивительная стойкость духа, которая должна служить примером для нас, сегодняшних.

Ирина Юрьевна Филимонова

Шестое чувство

«Мама солдата»

Татьяна Петровна счастливая ходит,
Её сын вернулся домой.
Война не забрала мальчишку такого,
Хорошо, не забрала с собой.
А мама Ивана всё плачет от горя,
Что сын не вернулся домой,
Не может так быть, чтобы сына-героя
Война ухватила с собой.
«Я помню, как мальчик ушёл на войну,
Он клялся, вернётся к любимой.
Пойдёт, мир спасёт и вернётся домой,
Такой же смешной и красивый».
Он, уходя, взял с полки портрет,
Там мама и папа сидели.
Сказал: «Жаль, меня с вами на карточке нет,
Вернусь, и мы новую сделаем!»
«А он не пришёл, не сдержал обещанье», –
Мама Ивана грустит:
«Я буду любить тебя постоянно,
Пусть душа твоя к небу летит».
Но вдруг за окном послышалось что-то,
Почтальон принёс маме письмо.
Мама открыла конверт от Ивана
И прочла, что написано в нём:
«Дорогие родители, я возвращаюсь!
Прибуду в ближайшие дни!
Я к нашему месту уже приближаюсь,
И буду я не один».
Мама и папа не верили в чудо,
Сынок их вернётся домой.
Немеренно радости было в их душах,
Этой осенней порой.
И дня через два или чуть больше
Иван заступил за порог,
Мама обняла сына так сильно,
Как он и представить не мог!
Татьяна Петровна счастливая ходит,
Её сын вернулся домой.
И мама Ивана от горя не плачет:
«Вернулся мой мальчик родной!»

Юлия Усова

***

Серебро пепла, крики старца...
Вдруг взвыли ружья иностранца.
Забудь поток минулых дат,
Очнись, дружище, ты – солдат.

Бросай соху, бери гранату.
«Прощай» скажи той жизни ладу,
Когда дремал мир, веря звездам,
И птицы возвращались к гнездам.

А ныне что? Убийств гряда.
Лишь рек рубиновых вода
Стекает по ромашкам вниз.
Таков спектакль белых риз.

Но ты ведь храбр, ты – борец
И в сердце тысячи сердец
Хранишь, а дома сын, жена и мать.
Забрать жизнь, чтоб другому дать...

Кристина Лозовцева

Над номером работали:
Редактор – Вероника Базылёнок
Помощник редактора – Алина Палатина
Дизайн и вёрстка – Кристина Климуть